

АКТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 94(47).04 ББК 63.3(2)43 DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.013

А. Л. Корзинин

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. alex.kor77@gmail.com

ГОСУДАРЕВ ДВОР В ИСТОРИИ РОССИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV–XVI в.

Обзорная статья посвящена рассмотрению эволюции Государева двора в едином Русском государстве в последней четверти XV – XVI в. В центре внимания находятся проблемы исследования Государева двора в отечественной историографии, источники по изучению двора, основные тенденции развития двора, сюжеты, касающиеся его состава, структуры, земельного и материального обеспечения, проанализированы преобразования двора в контексте внутренней политики московских великих князей.

Ключевые слова: Государев двор, дворянство, аристократия, XVI век, социальная история

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, конкурс «Экспасия», проект № 19-19-50124\19 «Государев двор в истории России последней четверти XV – XVI вв.»

Государев двор, важнейший социально-политический институт Русского государства, неравномерно изучен в отечественной историографии. До настоящего времени не проведено комплексного исследования эволюции Государева двора в последней четверти XV – XVI в., хотя некоторые аспекты этой актуальной для понимания развития русской государственности темы получили отражение в ряде исследований советских и российских историков. В первую очередь необходимо отметить монографии С. Б. Веселовского о боярских родах XV–XVI в. и А. А. Зимина о составе боярской аристократии второй половины XV – первой трети XVI в., объединившие в себе многолетние разыскания историков в области генеалогии и дипломатики [Веселовский, 1969; Зимин, 1988]. Отдельные работы В. Д. Назарова посвящены проблемам состава великокняжеского двора конца XV в. и середины XVI в., разным стратам и чиновным группам (княжеской и нетитулованной знати, жильцам, постельникам), а также особой статусно-чиновной группе служилых князей [Назаров, 2001; Назаров, 2002; Назаров, 2000; Назаров, 2008; Назаров, 1999]. В. Д. Назаров коснулся и вопроса об особенностях употребления термина «дворянин» в источниках XV–XVI в. [Назаров, 2007б; Назаров, 2007в]. Царский двор середины XVI в. через призму документов, отразивших его состав и структуру (боярских списков, Тысячной книги, Дворовой тетради), исследован в работах Б. Н. Флори, В. Д. Назарова, А. П. Павлова, А. Л. Корзинина [Флоря, 1974; Назаров, 1975; Назаров, 1982; Павлов, 1992, с. 86–100; Корзинин, 2016а]. Опричный двор проанализирован в работах С. Б. Веселовского, В. Б. Кобрин и других историков [Веселовский, 1963; Кобрин, 2008; Зимин, 1964; Скрынников]. Система служебных отношений, созданная в XVI в., формирование и развитие служилых городов

(уездных корпораций служилых землевладельцев), поместные раздачи и введение окладов оказались в центре внимания в новейшей монографии М. М. Бенцианова [Бенцианов, 2019]. А. Л. Станиславским опубликованы боярские списки конца XVI – начала XVII в., важнейшие источники по изучению двора, и на их основе рассмотрен Государев двор рубежа XVI–XVII в. [Станиславский, 2004]. А. П. Павлов посвятил фундаментальное исследование изучению Государева двора и политической борьбы в правление Федора Ивановича и Бориса Годунова [Павлов, 1992]. Несмотря на то что великокняжеский (Государев) двор периода образования и развития Русского государства изучен фрагментарно, благодаря проведенным исследованиям можно попытаться в общих чертах представить эволюцию двора на протяжении последней четверти XV – XVI в.

Время возникновения княжеского (княжего) двора как института социальной организации высших и привилегированных слоев русского общества относится к середине XII в. С 1175 г. в источниках встречается термин «дворяне», с конца XII в. – «двор» [Назаров, 1978; Назаров, 2007а; Свердлов, с. 55]. Термин «двор» соответствовал дружине князя и объединял в себе бояр и дворян (со второй половины XIII в. дворяне стали именоваться в источниках «слугами вольными», а примерно с 1433 г. вместо «слуг вольных» стало употребляться словосочетание «дети боярские») [Горский, с. 80, 81, 85; Флоря, 1971, с. 110–113, 115; Кучкин].

Особенностью взаимоотношений между великокняжеской властью, с одной стороны, и боярами и слугами вольными – с другой, в XIV – первой половине XV в. было право отъезда. В межкняжеских договорах право отъезда формулировалось так: «А боярам и слугам межи нас вольным воля». Феодалы имели возможность переходить на службу к великим и удельным князьям и при этом не терять своих пожалованных прежним владетельным князем владений. В этом выразался договорный характер отношений между вассалами и их сюзереном. Судом и данью по земле и воде бояре и слуги вольные продолжали «тянуть» тому князю, где находились их земли [Веселовский, 1969, с. 471; Стефанович, с. 148–163, 209–267]¹.

К концу XV в. Государев (великокняжеский) двор представлял собой административное, военное, придворное объединение служилых людей «по отечеству» (то есть по происхождению, так как служба была наследственной). Служилые люди Государева двора занимали важнейшие посты в центральной и местной администрации, участвовали в походах, посольских миссиях, судопроизводстве, придворных службах, назначались на дворцовые должности (дворецких, казначеев), получали думные чины (окольных, бояр). Боярская дума являлась верхней частью Государева двора.

При Иване III в связи с завоеванием и присоединением к Великому княжеству Московскому основной части русских земель, завершением объединительной политики, созданием единого Русского государства московский двор приобрел общерусский характер², великокняжеский двор трансформировался в институт государственной власти [Корзинин, 2017а]. С конца XV в. происходит становление единого военно-служилого сословия, служилого города, формируются чины двора. Изменяются положение и роль служилых людей. Вольная служба бояр и детей боярских перерастает в систему подданства, служилые люди попадают в прямую зависимость от центральной власти, договорные отношения постепенно заменяются обязательным характером службы с земли [Назаров, 2004].

¹ ДДГ. № 9. С. 28, № 11. С. 32, № 15. С. 42, № 17. С. 48.

² Правда, следует оговориться, что за рамками двора в XVI в. находились дети боярские бывшего Нижегородского княжества, Казани и Нижнего Поволжья, Северской и Смоленской земель, городов Дикого поля. В Дворовой тетради 50-х годов XVI в. не было представлено дворянство из Вереи, Луки, Кинешмы, Лихвина. В Дворовой тетради отсутствовали дворцовые дети боярские из Алексина, Перемышля, Болхова, Брянска, Серпейска, Мещевска, впервые зафиксированные в составе двора в боярских списках 1577 и 1588/1589 г. [Станиславский, 2004, с. 197, 198, 238–243; Павлов, 1992, с. 129].

В последней четверти XV – первой трети XVI в. складывается сложная иерархическая система родов при дворе великого князя Московского. Верхушку составляли титулованные лица: литовская по происхождению знать, потомки великого князя Литовского Гедимина князья Бельские, Булгаковы, Щенятевы и др., и потомки когда-то самостоятельных правящих династий Северо-Восточной Руси, ведущие родословие от великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо князья Суздальские, Ростовские, Ярославские, Стародубские. Высокое положение при дворе занимали и другие Рюриковичи: Тверские князья (Холмские, Микулинские, Телятевские) и Рязанские князья (Пронские), а также Чернигово-Северские князья Юго-Западной Руси (Оболенские, Воротынские, Одоевские, Мезецкие и др.) [Зимин, 1979; Сергеев, 2018].

Могущественным и весьма многочисленным при Государевом дворе в конце XV – начале XVI в. являлось нетитулованное старомосковское боярство, потомки Ратши (Товарковы, Хромые, Челяднины), Морозовы, Сабуровы и Годуновы, Плещеевы. Заметную роль играли потомки Редечи (Хабаровы, Глебовы, Гусевы, Поджогины), Заболоцкие, Кутузовы, Новосильцевы, тверские и рязанские боярские роды (Борисовы, Житовы, Карповы, Нащокины, Нагие, Денисьевы-Булгаковы, Вердеревские, Измайловы) и др. [Веселовский, 1969; Зимин, 1988].

Князья Бельские, Воротынские, Белевские, Трубецкие, Мосальские, Мезецкие, прибывшие на Русь из Великого княжества Литовского в разгар войны с ним в конце XV – первой трети XVI в., были включены в состав «служебных», или служилых, князей, особой группы титулованной знати внутри великокняжеского двора³. Они попадали под юридическую норму межкняжеских договоров о конфискации их земель в случае отъезда к удельным князьям⁴. С определенного времени некоторые выехавшие из Литвы князья утратили статус служилых (например, князья Мезецкие, низведенные до положения обычных княжат), другие, прибывшие позже в Россию, напротив, попали в состав служилых князей (Глинские, Мстиславские). Служилые князья в конце XV – первой трети XVI в. были включены в структуры Государева двора и обычно назначались воеводами, выполняя военные и придворные функции. Показательно, что список двора великого князя Ивана Васильевича в 1495 г. возглавил служилый князь Ф. И. Бельский, приехавший на Русь из Литвы в 1481/1482 г.⁵ В марте 1542 г. на приеме литовских послов в Москве среди князей, которые «в думе не живут, но при послах были» (то есть не входили в Боярскую думу, но присутствовали на аудиенции), первыми были записаны служилые князья Р. И. Одоевский, С. И. Трубецкой, В. И., М. И. и А. И. Воротынские⁶. В конце правления Василия III служилые князья попали в Боярскую думу. Князь Д. Ф. Бельский, старший сын Ф. И. Бельского, стал боярином к февралю 1527 г. [Корзинин, Штыков, с. 332].

Служилые князья обладали разным статусом. Крупнейшими из них были члены великокняжеской семьи князь В. С. Стародубский (сын Семена Ивановича Можайского, правнука Дмитрия Донского) и князь Василий Иванович Шемячич (внук врага Василия Темного Дмитрия Юрьевича Шемяки). В отличие от остальных служилых князей они подобно братьям Василия III владели городами, волостями и обширными землями на литовско-русской границе.

Следующую группу служилых князей составляли перешедшие на московскую службу правители «Верховских княжеств» князья Воротынские, Одоевские, Трубецкие и Белевские. В княжение Василия III они занимали военные и административные должности. В статье 30 Судебника 1497 г. зафиксирован размер оплаты расходов судебного пристава до Одоева, Белева, Воротынска, из чего можно сделать вывод, что судебной экстерриториальностью на этих землях

³ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 58, 152, 263, 399.

⁴ ДДГ. № 101. С. 417.

⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 44.

⁶ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 147.

Верховские князья не обладали⁷. Однако в их руках сохранилось право управления городами на родовых землях.

Некоторые служилые князья прибыли на Русь без родовых вотчин (Глинские, Мстиславские) и были пожалованы московским государем землями (городами, волостями) во владение, вероятно, в вотчину [Павлов, 1992, с. 160–161]. Другие князья перешли на московскую службу с наследственными землями и первое время их сохраняли (князья Белевские, Вяземские), но затем их родовые земли были изъяты, а они переведены в другие регионы России [Зимин, 1988, с. 129, 131, 137]. Служилые князья занимали особое место между удельными князьями и князьями Северо-Восточной Руси, но в отличие от удельных князей владели наследственными вотчинами на правах пожалования великим князем при условии обязательной военной службы. Удельные же князья владели общерусскими землями, данными им по завещанию великим князем [Зимин, 1988, с. 143–144].

В середине XVI в. служилыми князьями числились Бельские, Трубецкие, Воротынские, Одоевские, Глинские, Черкасские⁸, воеводичи Мутьянские (были родом из Валахии, расположенной между Карпатами и Дунаем, на юге современной Румынии). О высоком статусе служилых князей говорит то, что в Дворовой тетради 1550-х годов они были записаны после бояр, окольных, дворецких, казначеев, постельничих и дьяков⁹. Проблемы служебного положения и эволюции служилых князей в настоящее время далеки от разрешения и требуют углубленного и обстоятельного изучения с учетом их различного статуса, суверенных прав и проч. [Зимин, 1975; Назаров, 1969; Кобрин, 1985, с. 64–65; Антонов; Кром, с. 83–153; Грязнов].

После служилых князей в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради зафиксированы князья Оболенские, Ростовские, Суздальские, Ярославские, Стародубские и Мосальские, образовывавшие особые княжеские корпорации и служившие по княжеским спискам. Поскольку княжеские списки внесены в начальную часть Тысячной книги и Дворовой тетради, очевидно, речь идет о верхнем слое дворянства, титулованной аристократии, потомках некогда самостоятельных правителей. Исследователи склоняются к мнению, что служба знатных лиц по особым княжеским спискам в конце XV – первой половине XVI в. свидетельствовала о наличии княжеских корпораций и о сохранении у титулованной аристократии родовых вотчин в пределах бывших независимых княжеств [Кобрин, 1985, с. 48–79; Скрынников, с. 77, 255–256; Павлов, 1992, с. 154–155; Городилин, с. 55–65; Сергеев, 2014, с. 7–8, 45, 131–132; Корзинин, 2016а, с. 503–538]. Однако к середине XVI в. часть членов княжеских родов уже не значилась в княжеских списках, а была связана службой с территориальными корпорациями уездного дворянства, с городами, где у них находились поместья либо, реже, вотчины. Так, из Стародубских князей, по данным Дворовой тетради 1550-х годов, Гагарины служили из Вязьмы, Твери и Клина, Гундоровы из Вязьмы, Ромодановские из Бежецкого Верха. Из Ярославских князей Дуловы выступали в походы из Ржева и Зубцова, Хворостинины из Коломны и Белой, Щетинины из Ржева, Морткины из Бежецкого Верха и Ржева. Князья Ростовские-Приимковы числились по Кашину.

Нижний уровень Государева двора в последней четверти XV – начале XVI в. был представлен детьми боярскими. Они делились на дворовых и городских. Впервые термин «дети боярские из городов» встречается в разрядных книгах при описании боевых действий России с Великим княжеством Литовским. Воеводе передового полка князю В. В. Шуйскому было велено в Вязьме «людей у себя оставить из своих людей, которые у него, 500 человек голов детей боярских,

⁷ Памятники русского права / под ред. А. В. Черепнина. Вып. 3. М., 1953. С. 364.

⁸ Переезд на Русь князей Черкасских Сибока с сыном Кудадеком (в православии Александром) и братом произошёл в августе 1555 г. (ПСРА. Т. 13. М., 2000. С. 259).

⁹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 117–118.

опричь тех, которые с ним князи и дети боярские из двора и из городов»¹⁰. Городовые дети боярские служили резервом для набора в состав Государева двора, и со временем некоторые из них поднимались в ряды дворовых детей боярских. Дети боярские из городов принимали активное участие в военных походах [Веселовский, 1969, с. 35; Ивина, с. 95]. Весной 1469 г. государь Иван Васильевич отправил под Казань «рать в судех» под командованием воеводы К. А. Беззубцева, «а с ним многие дети боярские, из всех градов своих и из всех отчин братия своеа потому же»¹¹. В 1496 г. Иван III выслал к Казани «многих детей боярских двора своего и понизовых городов дети боярские, новгородцы, и муромцы, и костромичи, и иных городов мнози»¹².

С целью увеличения военных и административных кадров, земельного обеспечения служилых людей в конце XV в. началось их испомещение. В 1480–1490-е годы после ликвидации независимости Новгородской республики оттуда были выселены местные бояре, владельцы обширных наследственных вотчин, а их владения переданы московским «детям боярским», но уже как «поместье», то есть земля, пожалованная в обмен на службу. За счет такого поместья служилый человек должен был обеспечить себе существование и возможность явиться при необходимости на службу к князю. Бывшие новгородские бояре также получили поместья, но уже на окраине Московского государства. Поместье в отличие от вотчины (наследственной земельной собственности) нельзя было продавать, дарить, завещать, обменивать. В случае прекращения службы земельный надел служилого человека переходил в казну. Существование новой формы условного владения землей было отражено в статье 63 «О землях суд» Судебника 1497 г.¹³ Опыт создания поместной системы в конце XV – первой половине XVI в. был перенесен из Новгородских земель на другие уезды, поместная система приобрела общерусский характер [Зимин, 1959; Алексеев, Копанев; Кобрин, 1985, с. 90–135]. В Тверской земле поместья начали раздаваться с конца 80-х годов XV в. Первые помещики в Вяземском уезде, присоединенном в 1492/1493 г., появились уже в конце XV в. Тогда же в конце XV в. возникли поместья в Коломенском и Каширском уездах. В Можайском уезде поместье появилось в самом начале XVI в. После присоединения Пскова в 1510 г. почти сразу там были испомещены служилые люди в основном из Новгородской земли. Первые достоверные известия о помещиках в Смоленске (завоеван в 1514 г.) относятся к началу 40-х годов XVI в. После взятия Казани (в 1552 г.) первая раздача земель в поместья в Казанском уезде произошла в 1557 г. [Бенцианов, 2019, с. 132–203].

Поместная система существовала в нескольких вариантах. В Новгородской и Псковской землях государство изначально осуществляло контроль за размером доходов, который помещик мог получать с крестьян. Сумма доходов фиксировалась в писцовой книге и в выдававшейся помещику отдельной выписке. Землевладельцу предоставлялась судебная власть над крестьянами поместья за исключением суда по важным уголовным преступлениям [Флоря, 2009, с. 128–131]. В 40–50-е годы XVI в. в центральных уездах Русского государства появляется целый ряд ввозных грамот на поместья, где право устанавливать размеры оброка с переданных землевладельцу крестьян и иметь господскую пашню, «где себе учинит», передавалось в руки помещика. Во второй половине XVI в. в связи с хозяйственным разорением русских земель в целях поддержки дворянского ополчения правительство отказалось от регулирования натурального и денежного оброка. При проведении очередной переписи Новгородской земли в начале 80-х годов XVI в. сведения о повинностях крестьян в пользу помещика перестали включать в текст писцовых книг. В конечном счете отказ от фиксации

¹⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 109, 139.

¹¹ ПСРА. СПб., 1859. Т. 8. С. 155.

¹² ПСРА. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 328.

¹³ Судебники XV–XVI веков / под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 28.

и регулирования крестьянских повинностей и неуклонное расширение барского хозяйства способствовали превращению землевладельца в полного хозяина своего владения [Флоря, 2009, с. 134].

Параллельно с появлением поместий шло создание окладной системы обеспечения земельными наделами служилых людей. Ее основы были заложены в ходе массовых поместных раздач в Новгородской земле в конце XV в. По мнению М. М. Бенцианова, в связи с отсутствием значительного фонда свободных земель в центре страны, резким увеличением числа помещиков и отсутствием действенного контроля со стороны правительства над перераспределением земель, через несколько десятилетий наметился разрыв между номинальными окладами помещиков и их фактическим наполнением. Унификация окладов в соответствии с едиными служебными нормами, проводимая в середине XVI в. в общероссийском масштабе, не была завершена. Однако в целом функционирование окладной системы сыграло важную роль в формировании дворянства как единого сословия [Бенцианов, 2016].

Поместная система позволила в короткий срок создать многочисленное вооруженное конное войско, состоявшее из служилых землевладельцев, материально заинтересованных в преданной службе государю. Она определила всю дальнейшую организацию военно-служилой системы в Русском государстве, привела к трансформации высшего сословия. Старое боярство периода феодальной раздробленности постепенно переходит на службу к московским князьям. Получая земли на правах поместий, в первой половине XVI в. оно преобразуется в единое военно-служилое сословие [Скрынников, с. 73–76]. С помощью земельных пожалований на поместном праве государственная власть получила возможность воздействовать на формирование политической элиты, строить отношения с ней в желательном для власти ключе, ослаблять связь представителей элиты с определенной территорией, сохраняя за собой право верховной собственности на переданные им земли, ставить их в отношения зависимости от власти [Флоря, 2011, с. 12]. Немаловажно и то, что по милости государя дворяне получали жалованье за службу уже в 20-е годы XVI в., о чем нам известно со слов имперского посла С. Герберштейна, посетившего в то время Московию¹⁴.

В первой половине XVI в. и дворовые, и городовые дети боярские имели поместья и жили в уездах, не в столице, но служилые люди из городов, хотя находились на военной службе, в великокняжеский двор не входили. Дворовые дети боярские помимо поместий могли иметь и вотчины и в отличие от городских детей боярских призывались для службы в столицу, участвовали в общегосударственных делах (военных походах, посольских приемах, дипломатических миссиях, центральном и местном управлении). Городовые дети боярские могли иметь не только поместья, но и небольшие вотчины. Городовые дети боярские вместе с дворовыми выступали в общерусские походы, отправлялись в дальнюю конную службу, а также защищали свой родной город, в окрестностях которого лежали их владения. Верхушка уездного дворянства часто была связана родством с лицами из состава столичного двора [Новицкий, с. 1–6, 10, 11, 14; Веселовский, 1969, с. 35; Ивина, с. 89].

В боярское правление в источниках впервые упоминаются дворовые дети боярские из Новгорода и Рязани на службе в великокняжеском дворе. Если в 20–30-е годы XVI в. рязанские бояре еще служили в Рязанской земле, то первый случай привлечения наиболее видных рязанских детей боярских к воеводской службе за пределами Рязанского уезда произошел в августе 1538 г. и, вероятно, был связан с преобразованиями двора. С 1538 г. новгородские дети боярские, как и рязанцы, стали привлекаться к военной службе за пределами Новгородской земли [Бенцианов, 2000, с. 78–79, 115–117; Бенцианов, 2019, с. 131]¹⁵. Привлечение к «дворовой»

¹⁴ Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. 1. С. 239, 241.

¹⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 94–96.

службе новгородцев и рязанцев за пределами района их проживания, возможно, было вызвано кадровым дефицитом, необходимостью располагать опытными воеводами среднего звена для общегосударственных, а не только локальных военных задач.

Государев двор как столичная служилая корпорация складывался на протяжении длительного времени. В древности каждый из владетельных князей имел свой двор, поэтому в каждом княжестве были свои служилые люди. Когда возникло Московское государство, они разделились на тех, кто был взят в Москву, и тех, кто остался «на местах». В военных походах уездные дети боярские нередко именовались ростовцами, ярославцами, владимирцами, устюжанами, новгородцами и т. д. В конце XV в. преобладало территориальное устройство двора. Столичный двор объединял лиц из прежде независимых княжеств, с которыми они продолжали поддерживать прочные связи. Из источников видно, что даже в середине XVI в. в основе комплектования двора сохранялись два принципа: территориальный и чиновный. Лица, входившие в состав Государева двора, имели различные столичные чины, но в то же время являлись еще членами местных служилых корпораций и значились в специальных документах по тем «городам», с которыми они исторически были связаны службой и землевладением [Павлов, 1992, с. 86].

В конце XV – первой половине XVI в. сложилась определенная лестница чинов великокняжеского двора. В него входили носители думных чинов (бояре и окольничие), дворцовых чинов (дворецкие, оружничие, кравчие, постельничие, конюшие, ясельничие, сокольничие, ловчие, шатерничие), представители великокняжеской казны (казначей и печатники), чины стольников, стряпчих, жильцов, дьяки (делились на больших, дворцовых, казенных, конюшенных, ямских) и дворовые дети боярские.

Специальным механизмом, регулировавшим отношения внутри правящей элиты, особым социальным институтом в XVI в., являлось местничество. Местничество – это порядок назначения на высшие должности в военных походах, в центральной и местной администрации, который зависел от происхождения, знатности аристократа и от службы данного лица и его предков великим князьям Московским [Шмидт, с. 330–373]. Как показал А. А. Зимин, местничество в конце XV – первой трети XVI в. имело скромные размеры. Первоначально оно было распространено среди старомосковской нетитулованной аристократии [Зимин, 1970]. В связи с переходом литовской знати и князей Северо-Восточной Руси на московскую службу местничество постепенно приобретает вид системы, сочетавшей в себе родство и службу. От времени правления Елены Глинской местнические разбирательства неизвестны, однако после ее смерти, с лета 1539 г., вследствие отсутствия верховного арбитра и обострения внутривластного кризиса конфликты внутри знати, суды чести стали повседневным явлением. Ю. М. Эскин в исследовании по истории местничества пришел к выводу, что местничество играло роль регулятора, активно используемого правительством при выстраивании отношений с правящими социальными группами, который позволял ему широко манипулировать разрешением знатым лицам местничать в определенное время или на определенной службе [Эскин, с. 403]. С другой стороны, местничество препятствовало попаданию в состав аристократии удельных лиц, превращало элиту в замкнутую генеалогическую корпорацию. Однако со второй половины XVI в. местничество приобретает больше служилый, чем родословный характер, зависит от служебных назначений, продвижения по службе членов рода, чему способствовало издание приговора о местничестве 1550 г., составление Государева родословца 1555 г., Государева разряда 1556 г. [Шмидт, с. 346–366].

До середины XVI в. многие лица, входившие во двор, получали от великого князя за службу помимо наград (золотых монет, ценных вещей, поместий и вотчин) также временные «кормления», то есть определенные территории (города, волости) в управление. Это означало,

что служилый человек на несколько лет определялся в город или волость представлять великого князя (выполнять военные, судебно-административные функции, поддерживать порядок) и в виде жалованья за службу «кормиться» (то есть получать натуральные и денежные сборы) за счет подвластного населения.

Б. Н. Флоря обратил внимание на статью 26 «о бесчестье» Судебника 1550 г., где дети боярские подразделяются на две категории: «за которыми кормленья» и «которые... емлют денежное жалованье»¹⁶. Под первыми, кормленщиками, исследователь имеет в виду феодалов, составлявших великокняжеский (затем царский) двор, а под последними, получавшими денежное жалованье, городских детей боярских, несших службу на местах в составе «города» – уездной дворянской корпорации [Флоря, 1983, с. 71–73]. Правда, вопрос о том, получали ли кормления одни только члены двора – были ли исключены из этой системы городские дети боярские, остается пока открытым и нуждается в дальнейшем исследовании [Носов, 1969, с. 410–411].

Рост поместного землевладения вел к сокращению юрисдикции кормленщиков и их доходов, так как помещики достаточно часто получали освобождение от кормов. Одновременно увеличилось количество кандидатов на получение кормлений. Показания кормленных грамот и свидетельства С. Герберштейна говорят о том, что общий срок пребывания на кормлении на рубеже XV–XVI в. составлял полтора года, затем срок мог быть продлен великим князем на несколько месяцев. После этого наступал перерыв в 6 лет, когда служба проходила без кормления, «даром» [Флоря, 1971, с. 118–119]. В связи с этим наместники и волостели стремились извлечь из подвластного населения максимум доходов (наместничья администрация взимала с населения гораздо больше поборов, чем было зафиксировано в уставных грамотах). Постепенно формировались предпосылки для кризиса традиционной системы местного управления [Флоря, 1963, с. 96–97; Пашкова, с. 47–49]. Центральная власть стремилась регулировать отношения кормленщиков с населением выдачей уставных грамот и доходных списков, расширением практики участия в суде представителей населения. Злоупотребления кормленщиков своим должностным положением особенно возросли в период боярского правления. В результате Земской реформой 1550-х годов важнейшие судебные функции от наместников и кормленщиков были переданы представителям уездного дворянства (губным старостам) и выборным от местных жителей (земским старостам и целовальникам). Как показал Н. Е. Носов, многие представители новой власти на местах, губные старосты, были дворовыми детьми боярскими, их имена указаны в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 1550-х годов [Носов, 1957, с. 333–339]. В 1550–1560-е годы кормленная система была отменена по всей стране (за исключением ряда городов Северо-Запада, пограничных с Литвой, Ливонским Орденом и Швецией, а также юго-восточных окраин), вместо наместников и волостелей были введены должности воевод, сосредоточивших в своих руках военные и административно-судебные функции в городах. Компетенция воевод значительно уступала власти прежних наместников, пользовавшихся правом сбора доходов с населения и имевших значительные судебные полномочия. Замена наместников воеводами началась не сразу после отмены кормлений, а только во второй половине 1570-х – начале 1580-х годов. Воеводы за выполнение своих служебных обязанностей ежегодно получали жалованье из государевой казны, из четвертных приказов [Носов, 1969; Аракчеев, с. 383–396].

В соответствии с местническими счетами знать получала наиболее доходные кормления. В Судебнике 1550 г. размер штрафа «за бесчестье» определялся размером дохода с кормления. Однако в едином Русском государстве к середине XVI в. установился порядок, явившийся результатом целенаправленной правительственной политики, когда администратор получал

¹⁶ Памятники русского права / Под ред. А. В. Черепнина. М., 1956. Вып. 4. С. 238.

кормление не там, где располагались его земельные владения, где он жил, а в других районах. В итоге разрушалась связь между местожительством феодала и переданной ему в управление территорией. С одной стороны, кормленщик оказывался не связан с местным обществом, с другой стороны, одновременно ослаблялась его связь с родовыми владениями, где он был нечастым гостем [Флоря, 2011, с. 8, 9, 11, 12]. Аналогичную направленность имели военные и прочие административные поручения, которые, как правило, не были связаны с уездом, откуда был родом служилый человек, где находилось его землевладение. Данные меры способствовали превращению бояр, дворовых детей боярских в общерусскую государственную элиту, находившуюся под контролем великокняжеской власти.

Большое значение в процессе трансформации княжеско-боярской знати в служилую знать имело Уложение о службе 1555/1556 г., которое закрепило принцип обязательной службы с земли тех вотчинников, которые раньше никому не служили. С первых 100 четвертей земли (50 десятин) служилый землевладелец должен был вооружиться сам, а с каждых оставшихся 100 четвертей выставлять по одному конному вооруженному ратнику. В случае несоблюдения этого порядка служилого человека ожидала конфискация земли¹⁷.

Дворовые дети боярские, хотя и считались частью двора, вследствие увеличения его состава к середине XVI в. стали оседать по городам, редко призываться в столицу для служебных поручений [Павлов, 1992, с. 86]. Постепенно они все больше отрывались от разраставшихся численно «московских чинов» и со временем перестали входить в Государев двор, превратившись в верхушку уездных корпораций. Среди записанных в Дворовую тетрадь 1550-х годов, Каширскую десятню 1556 г., книгу Полоцкого похода 1562/1563 г. дворовых детей боярских только небольшая часть числилась в составе Государева двора.

Для службы при дворе в столице в середине XVI в. уже необходимо было иметь подмосковное владение (поместье либо вотчину), позволявшее служилому человеку регулярно бывать в Москве, обеспечивать себя продовольствием, в любой момент быть готовым незамедлительно выполнить государево служебное поручение, быть у царя под рукой. У верхушки двора имелись не только поместья и вотчины в Подмосковье, но и дома (дворы) в столице, окруженные хозяйственными постройками, огородами и садами и часто занимавшие значительную часть городской застройки. У среднего слоя служилых людей подмосковных поместий не было.

В 1550 г. была проведена так называемая Тысячная реформа царского двора. Она была задумана для того, чтобы Государев двор по составу и численности соответствовал возросшим нуждам власти. В Тысячную книгу (делопроизводственный документ, который содержал имена примерно 1070 служилых людей), от которой реформа получила свое название, были записаны «лучшие слуги» – родовитые молодые люди, предки которых активно служили московским государям. Они должны были получить земли в Московском и частично в близлежащих к нему Звенигородском, Рузском и Дмитровском уездах и стать главной опорой государя. По указу 1550 г. не только сами «тысячники», но и их дети, прочие знатные служилые землевладельцы должны были обеспечить постоянное пополнение Государева двора («которой по грехом ис той тысячи вымрет, а сын его не пригодитца к той службе, ино в того место прибрать иного»)¹⁸.

Именно тысячники положили начало «выборному дворянству», новому чину служилых людей из городов, первые упоминания о которых в источниках относятся к июню 1552 г. [Корзинин, 2016а, с. 218]. Выборные дворяне комплектовались прежде всего из этих «лучших слуг» и представляли собой верхнюю часть уездных детей боярских (их статус был

¹⁷ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века / Под ред. Н. Е. Носова. Тексты. А., 1986. № 11. С. 37–38.

¹⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 54.

выше дворовых детей боярских), призванных для несения службы в составе царского двора и обеспечивавшихся, как и тысячники, поместьями в Подмоскowie.

Больше всего «лучших слуг» было помещено вблизи столицы, в Московском уезде, меньше – в Рузском, Дмитровском и Звенигородском уездах. Поместья тысячников плотным кольцом подступали к Москве. Наделение их землями происходило за счет раздачи дворцовых (великокняжеских) и черносошных (государственных) земель, а также перераспределения в пользу «тысячников» подмосковных поместий некоторых детей боярских невысокого ранга, следствием чего стало постепенное исчезновение фонда свободных земель в Московском уезде. Начиная с Тысячной реформы, служба в составе двора стала сопровождаться обеспечением дополнительными поместьями под Москвой.

Однако вопрос о том, насколько данные Тысячной книги отражали реальную раздачу земли, остается сложным¹⁹. Вероятно, не все лица, обозначенные как тысячники, получили свои подмосковные поместья. Во-первых, не получили земель те, у кого уже были поместья и вотчины в Московском, Дмитровском, Рузском и Звенигородском уездах, а таких землевладельцев было немало. Во-вторых, наделение земель происходило медленно, и значительное число тысячников, погибших в 1550–1553 г. под Казанью, не успело получить того, что им причиталось. В-третьих, поместная собственность не досталась основной массе «лучших слуг», происходивших из Великого Новгорода, Пскова, Торопца и Великих Лук по причине их отдаленности от Москвы и специфики службы: нужно было отражать непрерывные нападения со стороны Великого княжества Литовского, Ливонского Ордена и Швеции. Поэтому только в виде исключения новгородских служилых землевладельцев переводили на службу в центр страны, но при этом они порывали с новгородской службой и лишались поместий в Новгородской земле.

В отличие от помещиков Северо-Запада, записанных в Тысячную книгу, подавляющее большинство «лучших слуг» из Замосковных городов после 1550 г. было включено в царский двор, привлекалось для разнообразных служб (военной, посольской, административной) и именных царских поручений, было наделено дополнительными поместьями. Вследствие Тысячной реформы Государев двор был упорядочен, но со временем его численность возросла. За 1550–1565 г. вместе с тысячниками он насчитывал около 2000 человек [Корзинин, 2016а, с. 194–258].

Однако реформа середины XVI в. не привела к ликвидации служебных и корпоративных связей членов Государева двора с уездным дворянством. По-прежнему сохранялся территориальный принцип устройства двора, дворовые дети боярские фиксировались в документах второй половины 50-х–начала 60-х годов XVI в. как костромичи, суздальцы, переяславцы и т. д. и по традиции рассматривались как представители местного дворянства.

Изменения в составе и структуре Государева двора в начале опричнины отразил приговор Земского собора 1566 г. В приговорной грамоте служилые землевладельцы, дворяне были записаны по двум статьям²⁰. Состав участников Земского собора 1566 г. достаточно подробно изучен [Зимин, 1962; Зимин, 1964, с. 159–211; Назаров, 1990, с. 298–299; Павлов, 1992, с. 100–101], тем не менее идут споры о том, являлись ли присутствовавшие на соборных заседаниях дворяне представителями двора, были ли они выборными или московскими дворянами, какие изменения в устройстве двора отражает состав лиц на заседаниях.

Б. Н. Флоря показал, что между постатейным распределением служилых людей в соборной грамоте и структурой Тысячной книги 1550 г. не было полного соответствия и что первая и вторая статьи приговора 1566 г. не тождественны первым двум статьям Тысячной книги.

¹⁹ См. дискуссию, возникшую по вопросу о результатах Тысячной реформы [Смирнов, с. 407–422; Зимин, 1960, с. 366–371].

²⁰ Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 г. // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 171–182.

Данное обстоятельство привело исследователя к выводу о том, что к 1566 г. дворовая элита составляла уже единую (в отличие от Тысячной книги, где верхушка двора распределялась по двум статьям) монолитную группу, которая противостояла низшему слою Государева двора [Floria, s. 40–45]. Б. Н. Флоря вслед за Н. В. Мятлевым полагает, что дворяне, записанные в первую статью в приговоре Земского собора 1566 г., являлись московскими дворянами (на собор было создано практически все столичное дворянство), а те, кто попал во вторую статью, представлял выборное дворянство [Мятлев, с. 83; Floria, s. 43–45].

Трудно определенно говорить о том, что дворяне первой и второй статей принадлежали к Государеву двору. А. П. Павлов обоснованно допускает, что во второй статье могли находиться и представители уездных детей боярских, не входивших в Государев двор [Павлов, 1992, с. 101]. Обращает на себя внимание то, что среди дворян, записанных в первую статью, на Земском соборе оказались лица более знатного и аристократического положения, чем те соборные участники, кто был включен в состав дворян второй статьи. Среди записанных как в первую, так и во вторую статью на соборе 1566 г. встречается немало московских и выборных дворян. В первой статье служилых людей, которые в дальнейшем по боярским спискам 70–80-х годов XVI в. отмечены как выборные и московские дворяне, больше по сравнению с дворянами второй статьи: 4 московских и 5 выборных дворян, во второй статье 3 московских и 11 выборных дворян [Корзинин, 2011].

По всей видимости, деление дворян на первую и вторую статьи было условным и соответствовало местническому порядку. Сам термин «дворяне» в приговорной грамоте, вероятно, носил условный характер и не подразумевал обязательную принадлежность всех записанных к Государеву двору, но подчеркивал особый статус призванных на соборные заседания лиц из различных городов Русского государства. Уже В. О. Ключевский отметил, что привлечение дворянства из западных (Можайска, Вязьмы) и северо-западных городов (Новгорода, Пскова, Торопца) было продиктовано их непосредственным участием в боевых действиях с Великим княжеством Литовским [Ключевский, с. 299–300; Зимин, 1964, с. 166–176]. В целом порядок записи детей боярских и распределение их по статьям в приговорной грамоте Земского собора 1566 г. отражают дальнейший процесс консолидации правящей элиты, возвысившейся над уездными детьми боярскими.

Последовавшая за реформами 1550-х годов опричнина Ивана Грозного (1565–1572 г.) способствовала разрушению земельных связей служилых людей с уездами, где они владели землями, привела к кардинальным кадровым перестановкам и земельным перемещениям, внесла серьезные коррективы в земельную программу правительства. Поместное обеспечение членов двора в Подмосковье фактически было приостановлено, а в ряде случаев отменено. Прямые и косвенные свидетельства утраты подмосковных поместий оставшимися на службе к 1565 г. тысячниками в период опричнины при сохранении ими вотчин в Московском и соседних уездах говорят в пользу целенаправленной политики по изъятию у «лучших слуг» дополнительных поместий в Подмосковье и перераспределению их в пользу других лиц, как правило, не служивших при дворе. Подмосковные поместья отписывали даже у тысячников, ставших опричниками [Корзинин, 2016а, с. 262–266].

Изучение результатов Тысячной реформы и судеб членов доопричного двора дает возможность утверждать, что в годы опричнины земельные экспроприации нанесли сильнейший удар по вотчинному землевладению княжат и нетитулованных членов двора, имели следствием ослабление их экономического и политического положения. В связи с включением в состав территории опричнины уездов, где сохранялось родовое княжеское землевладение (Суздальского, Ростовского, Ярославского и др.), последовавшего за этим упадка родового княжеского землевладения прекратили свое существование особые княжеские служилые

корпорации. После 1565 г. до конца 1580-х годов, когда княжеские списки были временно восстановлены, в источниках отсутствуют сведения о княжеских корпорациях. В конце XVI в. в условиях утверждения новой чиновной структуры Государева двора княжеские списки потеряли свое прежнее значение и включали имена только тех князей, служебное положение которых соответствовало чину московских дворян [Павлов, 1992, с. 107; Станиславский, 2004, с. 129].

Опричная политика ускорила процесс разрушения родовой княжеско-боярской вотчины, ослабила корпоративную солидарность правящей элиты, привела к утрате знатью влияния на местах, к ее обособлению от уездного дворянства и в конечном счете стала решающим фактором в процессе трансформации во второй половине XVI в. родовой и вотчинной аристократии в служилую аристократию, зависимую от самодержавной власти [Павлов, 1992, с. 202–203]. Опричина с ее земельными переселениями содействовала разрушению вотчинного землевладения дворянства в целом, привела к резкому росту удельного веса поместных земель, о чем свидетельствуют анализ землевладения детей боярских Рязанского уезда в период опричины, проведенный С. И. Сметаниной [Сметанина, с. 12–16].

Помимо земельных конфискаций ослаблению позиций боярской аристократии и дворянства способствовал опричный террор, казни в опричину и послеопричное время. Из известных по Синодику опальных лиц примерно 30 % принадлежавших к Государеву двору в доопричный период было убито и казнено. В опричину и после нее оказалось уничтожено около 40 % тысячников, упоминавшихся на службе после 1565 г. Эти цифры свидетельствуют о направленности царских казней против представителей Государева двора середины XVI в., что подтверждает мнение С. Б. Веселовского о противостоянии царя со «старым Государевым двором» и о противопоставлении ему «нового Опричного двора», который стал опорой в борьбе Ивана Грозного с неугодными ему людьми из доопричного двора [Веселовский, 1963, с. 143–144; Корзинин, 2016а, с. 273–336].

Что касается персонального состава Опричного двора, то, учитывая все известные имена представителей Опричного корпуса, можно признать, что некоторая часть удельных слуг (не более 30 %) происходила из рядов худородного дворянства, городских детей боярских. Все же остальные опричники, не менее двух третей личного состава, были выходцами из прежнего доопричного двора и представляли дворянские роды, давно известные своей верной службой великим князьям московским [Садиков, с. 40; Веселовский, 1963, с. 143–144; Зимин, 1964, с. 358–359; Кобрин, 2008, с. 128–132; Володихин, с. 220; Корзинин, 2016б].

В ноябре 1572 г. была отменена опричина, но на смену Опричному двору вскоре пришел новый Особый (или «Особный») двор, о существовании которого есть данные весной 1573 г. Фактически «Особный» двор заменил собой Опричный двор, но руководство прежнего Опричного двора осталось у власти. Верхушку Особого двора в 1573–1575 г. составляли несколько руководителей прежней Опричной Боярской думы, бывшие опричники из среднего командного звена (дворовые воеводы, рынды и поддатни, полковые головы). В удельном дворе, особенно в его среднем и нижнем слоях, преобладали незнатные фамилии [Станиславский, 1976; Корзинин, 2017в]. Многие из дворовых были молодыми людьми, еще только поступившими на службу, не отличались знатным и родовитым происхождением. Среди них были новгородцы, в том числе несколько бывших тысячников, их детей и родственников.

В июле – августе 1575 г. в результате разгоревшейся придворной борьбы была проведена чистка Особого двора, за которой последовали существенные перемены во власти. 30 октября 1575 г. царь Иван Васильевич вновь, как в начале 1565 г., объявил об отречении от престола. На свое место он посадил татарского хана Симеона Бекбулатовича, титуловавшегося «великим

князем» [Мордовина, Станиславский]²¹. Одновременно с поставлением хана Симеона проводилась очередная чистка Особого двора. Были казнены крупные фигуры, ранее известные своей службой в опричнине, когда-то руководившие опричной думой, другие дворяне.

В конце августа 1576 г. хан Симеон Бекбулатович был сведен с великого княжения. Однако возвращение Ивана Грозного на царский престол почти никак не повлияло на судьбу «Особного» двора. Верхушка двора в 1577–1584 г. была представлена Годуновыми, князьями Шуйскими и Трубецкими. Костяк Особого двора составляли худородные дворяне, получившие доступ в Боярскую думу благодаря получению ими чина думных дворян (Р. В. Алферьев, М. А. Безнин Нащокин, Б. Я. Бельский, А. Ф. Нагой, Е. В. Воейков, В. Г. Зюзин, Р. М. Пивов, И. П. Татищев, Д. И. Черемисинов) [Корзинин, 2017б].

После смерти Ивана Грозного в марте 1584 г. Особый двор с царским уделом были ликвидированы. Был воссоздан единый Государев двор. Что касается бывших удельных дворовых, то в результате пересмотра персонального состава двора почти все худородные лица были понижены в чинах. В ходе придворной борьбы, разгоревшейся в начале царствования Федора Ивановича, победу удалось одержать царскому шурину Борису Годунову. В июле 1584 г. родственник Малюты Скуратова могущественный временщик Б. Я. Бельский попал в опалу, вскоре утратили влияние думные дворяне М. А. Безнин, Р. В. Алферьев, Р. М. Пивов, Б. В. Воейков, В. Г. Зюзин и др. [Павлов, 1992, с. 30–43, 251]. Б. Ф. Годунов увеличил число своих сторонников в Боярской думе, центральных государственных учреждениях, сосредоточил в своих руках значительную власть, что позволило ему провести важные преобразования.

Несмотря на утрату всеми «лучшими слугами» своих подмосковных поместий, опыт дополнительного обеспечения членов двора землями поблизости от столицы был успешным. Правительство Бориса Годунова вернулось к идеям реформ двора середины XVI в., направленных на консолидацию верхов служилого сословия вокруг престола на условиях верной службы царю. В 1586/1587 г. был издан указ о наделении поместьями в Подмоскowie членов Государева двора. Согласно закону, поместья возле столицы должны были получить бояре (по 200 четвертей), стольники, стрелецкие головы, московские дворяне (по 100 четвертей), стрелецкие сотники (по 60 четвертей), выборные дворяне (по 50 четвертей)²². Указ 1586/1587 г. реализовывался на практике. Поместья активно получали представители как верхних, так и нижних чинов царского двора [Павлов, 1992, с. 140–146].

Во второй половине XVI в. происходил постепенный переход от административно-территориального к чиновному устройству Государева двора, закреплённому в боярском списке 1577 г. Вместо дворовых детей боярских окончательно сформировался институт выборного дворянства, призывавшегося для несения государевой службы из различных уездов страны. В выборное дворянство попала верхушка провинциального дворянства. Над выборным дворянством возвышались дворяне московские, которые в конечном счете заменили собой выборное дворянство. Впервые московские дворяне упомянуты в земском боярском списке 1577 г. Наиболее ранний полный перечень представителей этого чина сохранился в боярском списке 1588/1589 г. Дворяне московские фиксировались в боярских списках после чинов стольников, стряпчих и жильцов, но перед выборными дворянами [Станиславский, 2004, с. 42, 129, 130, 194, 195, 213–218; Павлов, 1992, с. 107, 113–117]. Московские дворяне принадлежали большей частью к княжеско-боярской аристократии и в отличие от стольников, стряпчих и жильцов, исполнявших придворные поручения преимущественно в столице, несли общегосударственную службу и отправлялись в разного рода «посылки» за пределы Москвы.

²¹ Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 195–196.

²² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. № 44. С. 63.

Дворяне московские полностью обособлялись от уездных корпораций и несли службу исключительно по «московскому списку» [Павлов, 1992, с. 101–102, 107].

Разрушение прежней территориальной структуры двора было ускорено опричной политикой земельных переселений, вследствие которой были нарушены традиционные связи членов двора с местными (уездными) корпорациями. В результате выборные дворяне все реже призывались в Москву, и со второй половины 70-х годов XVI в. постепенно начали оседать в городах, стали служить по тем уездам, где у них располагались земли, в составе уездных корпораций («с городом вместе»). В сложившихся обстоятельствах происходила консолидация уездных корпораций, укрепление связи выборных дворян с городскими боярскими.

Во второй половине XVI – начале XVII в. выборные дворяне еще попеременно несли дворовую службу и службу «с городом», то есть продолжали входить в Государев двор. К 1602/1603 г. выбор оформился в городах к востоку от Москвы в Поволжье (Нижегород, Арзамас, Мещере, Лухе), на южных окраинах в Карачеве, Орле, Одоеве и т. д. [Станиславский, 2004, с. 131–133; Павлов, 1992, с. 119–122, 129]. Окончательно процесс оседания выборных дворян по городам и прекращения их службы при Государевом дворе завершился к 30-м годам XVII в.

Выборные дворяне Северо-Запада России с конца 80-х годов XVI в. перестают рассматриваться как члены двора (в боярском списке 1588/1589 г., более поздних боярских списках конца XVI – начала XVII в. уже нет выборных из Великого Новгорода, Пскова, Великих Лук, Торопца) и начинают служить на воеводских и прочих должностях преимущественно в Новгородской земле [Павлов, 2003, с. 143, 144].

Подводя итоги развитию двора в последней четверти XVI в., необходимо отметить, что правительство Бориса Годунова стремилось к консолидации правящей элиты и препятствовало включению в Государев двор численно возросшего уездного дворянства. Московская чиновная знать, прошедшая длительный путь трансформации из старинной вотчинной аристократии в аристократию служилую, превратилась в главную опору правления Годунова [Павлов, 1992, с. 130–131, 250–253].

В результате эволюции Государева двора к началу Смутного времени уездное дворянство фактически оказалось отстранено от участия в управлении страной, власть сосредоточилась в руках носителей высших думных чинов, московского дворянства, приказной бюрократии. В то же время московская знать не обладала единством, а была разделена рядом чиновных перегородок в отличие от местных дворянских обществ, консолидировавшихся и усиливших свою корпоративную сплоченность. В разделении, расколе служилого сословия на столичную знать и уездное дворянство, в углублении противоречий между служилыми людьми центра и окраин заключалась одна из главных причин Смуты в России начала XVII в.

Литература

- Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 57–68.
- Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 258–285.
- Аракчеев В. А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М., 2014. 506, [2] с.
- Бенцианов М. М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 312 с.
- Бенцианов М. М. «Поверстати по достоинству безгрешно...»: система окладов в Русском государстве XV–XVI вв. // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 1. С. 17–36.

- Бенцианов М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019. 350, [1] с.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. 539 с.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 582, [1] с.
- Володихин Д. М. Социальный состав Русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011. 293 с.
- Городилин С. В. К вопросу о родовых владениях ростовских князей после прекращения существования Ростовского княжества // История и культура Ростовской земли. 2012. Ростов, 2013. С. 55–65.
- Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. 120, [3] с.
- Грязнов А. Л. Происхождение вотчин служилых князей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 42–44.
- Зимин А. А. Из истории поместного землевладения на Руси // Вопросы истории. 1959. № 11. С. 130–142.
- Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. 511 с.
- Зимин А. А. Земский собор 1566 г. // Исторические записки. М., 1962. Т. 71. С. 196–236.
- Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. 535 с.
- Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 109–118.
- Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 28–56.
- Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 195–244.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 348, [1] с.
- Ивина Л. И. Иерархическая структура правящей элиты в княжествах Северо-Восточной Руси и Русском государстве (конец XIV – первая половина XVI века) // От Древней Руси к России Нового времени. Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 88–100.
- Ключевский В. О. Состав представительства на Земских соборах Древней Руси // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. 8. С. 277–374.
- Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой Руси (XV–XVI вв.). М., 1985. 279 с.
- Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. 369, [1] с.
- Корзинин А. Л. Государев двор в Русском государстве середины XVI в.: к постановке проблемы // Русские древности. Сборник научных статей к 75-летию И. Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 299–312.
- Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М.; СПб., 2016. 663, [1] с. [Корзинин, 2016а]
- Корзинин А. Л. О персональном составе Опричного двора Ивана Грозного // Исторический формат. 2016. № 4. С. 10–27. [Корзинин, 2016б]
- Корзинин А. Л. Государев двор Ивана III // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. СПб., 2017. Вып. 7. С. 134–150. [Корзинин, 2017а]
- Корзинин А. Л. Динамика изменений состава Особого двора Ивана Грозного в 1573–1584 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 57. [Корзинин, 2017б]
- Корзинин А. Л. К изучению Особого двора Ивана Грозного в 1573–1575 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 1–12. [Корзинин, 2017в]
- Корзинин А. Л., Штыков Н. В. Состав Боярской думы и дворцовых чинов в княжение Василия III // Былые годы. 2017. Т. 44. № 2. С. 330–341. DOI: 10.13187/bg.2017.2.330
- Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010. 318 с.
- Кучкин В. А. О термине «дети боярские» в Задонщине // ТОДРА. СПб., 1996. Т. 50. С. 347–358.
- Мордовина С. П., Станиславский А. А. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 153–191.
- Мятлев Н. В. Тысячники и московское дворянство XVI в. Орел, 1912. [4], 87 с.
- Назаров В. Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 210–218.

- Назаров В. Д. О структуре Государева двора в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 40–54.
- Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 198–123.
- Назаров В. Д. К источниковедению Дворовой тетради // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 166–175.
- Назаров В. Д. К истории Земского собора 1566 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 296–309.
- Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 175–196.
- Назаров В. Д. О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1495 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 189–206.
- Назаров В. Д. Генеалогический состав постельников Ивана III (по списку Двора 1495 г.) // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 11–13 апреля 2001 г. М., 2001. С. 139–146.
- Назаров В. Д. Нетитулованная знать по походному списку Двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 567–584.
- Назаров В. Д. Нереализованная возможность: существовало ли рыцарство на Руси в XIII–XV веках // Одиссей. Человек в истории. 2004: Рыцарство: реальность и воображаемое. М., 2004. С. 123–125.
- Назаров В. Д. Государев двор // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. М., 2007. Т. 7. С. 513–515. [Назаров, 2007а]
- Назаров В. Д. «Дворянин» в актах и грамотах Северо-Восточной Руси и Новгорода XIV–XV вв. // Russian History. 2007. Vol. 34. № 1–4. P. 131–147. [Назаров, 2007б]
- Назаров В. Д. Между Москвой и Вильно: «дворяне» на листах посольских документов (конец XV – первая треть XVI в.) // Государство и общество в России XV – начала XVI в. Сборник статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 82–93. [Назаров, 2007в]
- Назаров В. Д. О структуре Государева двора в середине XVI в. (жильцы в 1550-е годы) // Зубовские чтения. Вып. 4. Образы власти, институты и культурное пространство российского общества в XV–XVII вв., принципы научной реконструкции и музеефикации памятников и интерьеров. 16–17 октября 2006 г., г. Александров. М., 2008. С. 12–25.
- Новицкий В. И. Выборное и большое дворянство XVI–XVII веков. Киев, 1915. [4], II, 178 с.
- Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. 408 с.
- Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. 601, [1] с.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. 278, [1] с.
- Павлов А. П. Новгородское дворянство и Государев двор XVI–XVII веков // От Древней Руси к России Нового времени. Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 140–147.
- Пашикова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. 214, [1] с.
- Садиков П. А. Царь и опричник // Века. Исторический сборник. Пг., 1924. С. 36–78.
- Свердлов М. Б. Дворяне в древней Руси // Из истории феодальной России. Статьи и очерки. К 70-летию со дня рождения профессора В. В. Мавродина. Л., 1978. С. 54–59.
- Сергеев А. В. Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI – начале XVII века: князья Ростовские и Ярославские. Дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2014. 321 с.
- Сергеев А. В. Княжеские фамилии Московского государства XVI–XVII вв.: количество, время существования, социальный статус // Клио. 2018. № 2. С. 39–47.
- Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. 571, [2] с.

- Сметанина С. И. Землевание Рязанского края и опричная земельная политика. АКД. М., 1982. 22 с.
- Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. 516 с.
- Станиславский А. Л. Книга раздачи денежного жалования 1573 года // История СССР. 1976. № 4. С. 136–140.
- Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. 505, [1] с.
- Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 148–269.
- Флоря Б. Н. О некоторых источниках по истории местного управления в России XVI в. // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 92–97.
- Флоря Б. Н. Кормленные грамоты XV–XVI вв. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971. С. 109–126.
- Флоря Б. Н. Несколько замечаний о Дворовой тетради как историческом источнике // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 41–57.
- Флоря Б. Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (На материале статей о возмещении за «бесчестье») // Вопросы истории. 1983. № 1. С. 61–74.
- Флоря Б. Н. Тимар и поместье // Особенности российского исторического процесса. Сборник статей памяти академика Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009. С. 125–135.
- Флоря Б. Н. Два пути формирования общегосударственной политической элиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 5–12.
- Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. 493, [2] с.
- Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. 508, [1] с.
- Floria B. N. Skład społeczny soborów ziemskich w państwie moskiewskim w XVI wieku // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1974. T. 26. Zeszyt 1. S. 35–58.

References

- Alekseev, Yu. G., Kopanev, A. I. Razvitiye pomestnoi sistemy v XVI v. [Development of the Estate System in the 16th Century]. In *Dvoryanstvo i krepostnoi stroi Rossii XVI–XVIII vv.* Moscow, 1975. Pp. 57–68.
- Antonov, A. V. K istorii udela knyazei Odоеvskikh [To the history of the Appanage of the Odoyevsky Princes]. In *Russkii diplomatarii.* Moscow, 2001. Issue 7. Pp. 258–285.
- Arakcheev, V. A. Vlast' i "zemlya": Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii tyaglykh soslovii v Rossii vtoroi poloviny XVI – nachala XVII veka [Power and "Land": Government Policy in Relation to the Taxable Estates in Russia in the Second Half of the 16th – Early 17th Century]. Moscow, 2014. 506, [2] p.
- Bentsianov, M. M. Gosudarev dvor i territorial'nye korporatsii sluzhilykh lyudei Russkogo gosudarstva v kontse XV – seredine XVI v. [The Sovereign Court and Territorial Corporations of the Service People of the Russian State in the Late 15th – the Middle of the 16th Century]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Ekaterinburg, 2000. 312 p.
- Bentsianov, M. M. "Poverstati po dostoinstvu bezgreshno...": sistema okladov v Russkom gosudarstve XV–XVI vv. ["To Endow Deservedly Sinless...": the Salary System in the Russian State of the 15th – 16th Centuries]. In *Quaestio Rossica.* 2016. Vol. 4. No. 1. Pp. 17–36.
- Bentsianov, M. M. "Knyaz'ya, boyare i deti boyarskie". Sistema sluzhebnykh otnoshenii v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv. ["Princes, Boyars and Boyars Children". The System of Service Relations in the Moscow State in the 15th – 16th Centuries]. Moscow, 2019. 350, [1] p.
- Eskin, Yu. M. Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI–XVII vv. [Essays on the History of Localism in Russia of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 2009. 508, [1] p.
- Floria, B. N. Skład społeczny soborów ziemskich w państwie moskiewskim w XVI wieku. In *Czasopismo Prawno-Historyczne.* 1974. T. 26. Zeszyt 1. S. 35–58.
- Florya, B. N. O nekotorykh istochnikakh po istorii mestnogo upravleniya v Rossii XVI v. [On Some Sources on the History of Local Government in Russia in the 16th Century]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1962 g.* Moscow, 1963. Pp. 92–97.

- Florya, B. N. Kormlennye gramoty XV–XVI vv. kak istoricheskii istochnik [Kormlennye Letters of the 15th – 16th Centuries as a Historical Source]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1970 g.* Moscow, 1971. Pp. 109–126.
- Florya, B. N. Neskol'ko zamechanii o Dvorovoi tetradii kak istoricheskom istochnike [A Few Remarks about the Dvorovaya Book as a Historical Source]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1973 g.* Moscow, 1974. Pp. 41–57.
- Florya, B. N. Formirovaniye soslovnogo statusa gosподstvuyushchego klassa Drevnei Rusi (Na materiale statei o vozmeshchenii za “beschest’e”) [Formation of the Class Status of the Ruling Class of Old Rus (Based on Articles on Compensation for “Dishonor”)]. In *Voprosy istorii.* 1983. No. 1. Pp. 61–74.
- Florya, B. N. Timar i pomest'e [Timar and Estate]. In *Osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsesssa. Sbornik statei pamyati akademika L. V. Milova (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya).* Moscow, 2009. Pp. 125–135.
- Florya, B. N. Dva puti formirovaniya obshchegosudarstvennoi politicheskoi elity [Two Ways of State Political Elite Forming (on the Material Concerning to History of Poland of the 14th Century and Russian State of the 15th – 16th Centuries)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2011. No. 4 (46). Pp. 5–12.
- Gorodilin, S. V. K voprosu o rodovykh vladeniyaх rostovskikh knyazei posle prekrashcheniya sushchestvovaniya Rostovskogo knyazhestva [On the Question of the Patrimonial Possessions of the Rostov Princes after the Termination of the Rostov Principality]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli.* 2012. Rostov, 2013. Pp. 55–65.
- Gorskii, A. A. Drevnerusskaya družhina [The Old Russian Družhina]. Moscow, 1989. 120, [3] p.
- Gryaznov, A. L. Proiskhozhdeniye votchin sluzhilykh knyazei [Origin of the Ancestral Lands of Serving Princes]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2013. No. 3 (53). Pp. 42–44.
- Ivina, L. I. Ierarkhicheskaya struktura pravyyashchei elity v knyazhestvakh Severo-Vostochnoi Rusi i Russkom gosudarstve (konets XIV – pervaya polovina XVI veka) [Hierarchical Structure of the Ruling Elite in the Principalities of North-Eastern Russia and the Russian State (Late 14th – the First Half of the 16th Century)]. In *Ot Drevnei Rusi k Rossii Novogo vremeni. Sbornik statei k 70-letiyu A. L. Khoroshkevich.* Moscow, 2003. Pp. 88–100.
- Klyuchevskii, V. O. Sostav predstavitel'stva na Zemskikh soborakh Drevnei Rusi [The Composition of Representatives at the Zemsky Sobors of Old Rus]. In *Klyuchevskii, V. O. Sochineniya v devyati tomakh.* Moscow, 1990. Vol. 8. Pp. 277–374.
- Kobrin, V. B. Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoi Rusi (XV–XVI vv.) [Power and Property in Medieval Russia (15th – 16th Centuries)]. Moscow, 1985. 279 p.
- Kobrin, V. B. Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika: Izbrannyye trudy [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy: Selected Works]. Moscow, 2008. 369, [1] p.
- Korzinin, A. L. Gosudarev dvor v Russkom gosudarstve serediny XVI v.: k postanovke problemy [The Sovereign Court in the Russian State in the Middle of the 16th Century: to the Statement of the Problem]. In *Russkie drevnosti. Sbornik nauchnykh statei k 75-letiyu I. Ya. Froyanova.* Saint Petersburg, 2011. Pp. 299–312.
- Korzinin, A. L. Gosudarev dvor Russkogo gosudarstva v dooprichnyi period (1550–1565 gg.) [The Sovereign Court of the Russian State in the pre-Oprichny Period (1550–1565)]. Moscow; Saint Petersburg, 2016. 663, [1] p. [Korzinin, 2016a]
- Korzinin, A. L. O personal'nom sostave Oprichnogo dvora Ivana Groznogo [On the Composition of the Oprichny Court of Ivan the Terrible]. In *Istoricheskii format.* 2016. No. 4. Pp. 10–27. [Korzinin, 2016b]
- Korzinin, A. L. Gosudarev dvor Ivana III [The Sovereign Court of Ivan III]. In *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Al'manakh.* Saint Petersburg, 2017. Issue 7. Pp. 134–150. [Korzinin, 2017a]
- Korzinin, A. L. Dinamika izmenenii sostava Osobogo dvora Ivana Groznogo v 1573–1584 gg. [Dynamics of Changes in the Composition of the Special Court of Ivan the Terrible in 1573–1584]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2017. No. 3 (69). P. 57. [Korzinin, 2017b]
- Korzinin, A. L. K izucheniyu Osobogo dvora Ivana Groznogo v 1573–1575 gg. [To the Studying the Osoby Court of Ivan the Terrible in 1573–1575]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2017. No. 1 (67). Pp. 1–12. [Korzinin, 2017v]
- Korzinin, A. L., Shtykov, N. V. Sostav Boyarskoi dumy i dvortsovykh chinov v knyazhenie Vasiliya III [Composition of the Boyar Duma and Palace Officials during the Reign of Vasily III]. In *Bylye gody.* 2017. Vol. 44. No. 2. Pp. 330–341. DOI: 10.13187/bg.2017.2.330

- Krom, M. M. *Mezh Rus'yu i Litvoi. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV – pervoi treti XVI v.* [Between Rus and Lithuania. Border Lands in the System of Russian-Lithuanian Relations of the Late 15th – the First Third of the 16th Century]. Moscow, 2010. 318 p.
- Kuchkin, V. A. O termine “deti boyarskie” v Zadonshchine [About the Term “Boyar Children” in Zadonshchina]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 1996. Vol. 50. Pp. 347–358.
- Mordovina, S. P., Stanislavskii, A. L. Sostav osobogo dvora Ivana IV v period “velikogo knyazheniya” Simeona Bekbulatovicha [Composition of the Special Court of Ivan IV during “the great reign” of Simeon Bekbulatovich]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1976 g.* Moscow, 1977. Pp. 153–191.
- Myatlev, N. V. Tsyachniki i moskovskoe dvoryanstvo XVI v. [Tsyachniks and the Moscow Nobility of the 16th Century]. Orel, 1912. [4], 87 p.
- Nazarov, V. D. Taina chelobitnoi Ivana Vorotynskogo [The Secret of Ivan Vorotynsky's Petition]. In *Voprosy istorii*. 1969. No. 1. Pp. 210–218.
- Nazarov, V. D. O strukture Gosudareva dvora v seredine XVI v. [On the Structure of the Sovereign Court in the Middle of the 16th Century]. In *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noi Rossii. Sbornik statei, posvyashchennyi 70-letiyu akademika L. V. Cherepnina*. Moscow, 1975. Pp. 40–54.
- Nazarov, V. D. “Dvor” i “dvoryane” po dannym novgorodskogo i severo-vostochnogo letopisaniya (XII–XIV vv.) [“Dvor” and “Dvoryane” according to the Novgorod and North-Eastern Chronicles (12th – 14th Centuries)]. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e*. Moscow, 1978. Pp. 198–123.
- Nazarov, V. D. K istochnikovedeniyu Dvorovoi tetradi [To the Source Study of the Dvorovaya Book]. In *Rossiya na putyakh tsentralizatsii*. Moscow, 1982. Pp. 166–175.
- Nazarov, V. D. K istorii Zemskogo sobora 1566 g. [To the History of the Zemsky Sobor in 1566]. In *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1990. Pp. 296–309.
- Nazarov, V. D. Sluzhilye knyaz'ya Severo-Vostochnoi Rusi v XV veke [Serving Princes of North-Eastern Russia in the 15th Century]. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, 1999. Issue 5. Pp. 175–196.
- Nazarov, V. D. O titulovannoi znati Rossii v kontse XV v. (Ryurikovichi i Gediminovichi po spisku dvora 1495 g.) [About the Titled Nobility of Russia at the End of the 15th Century (Rurikoviches and Gediminoviches on the List of the Court of 1495)]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy*. 1998. Moscow, 2000. Pp. 189–206.
- Nazarov, V. D. Genealogicheskii sostav postel'nikov Ivana III (po spisku Dvora 1495 g.) [Genealogical Composition of Ivan III's Postel'niks (according to the List of the Court of 1495)]. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Genealogiya kak forma istoricheskoi pamyati. XIII Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto, Moskva, 11–13 aprelya 2001 g.* Moscow, 2001. Pp. 139–146.
- Nazarov, V. D. Netitulovannaya znat' po pokhodnomu spisku Dvora Ivana III v 1495 g. [Untitled Nobility according to the Marching List of the Court of Ivan III in 1495]. In *Rossiiskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv. Sbornik statei, posvyashchennyi 75-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. G. Alekseeva*. Saint Petersburg, 2002. Pp. 567–584.
- Nazarov, V. D. Nerealizovannaya vozmozhnost': sushchestvovalo li rytsarstvo na Rusi v XIII–XV vekakh [Unrealized Opportunity: Did Chivalry Exist in Russia in the 13th – 15th Centuries]. In *Odissei. Chelovek v istorii. 2004: Rytsarstvo: real'nost' i voobrazhaemoe*. Moscow, 2004. Pp. 123–125.
- Nazarov, V. D. Gosudarev dvor [The Sovereign Court]. In *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya: v 30 t.* Moscow, 2007. Vol. 7. Pp. 513–515. [Nazarov, 2007a]
- Nazarov, V. D. “Dvoryanin” v aktakh i gramotakh Severo-Vostochnoi Rusi i Novgoroda XIV–XV vv. [“Dvoryanin” in Acts and Charters of North-Eastern Russia and Novgorod of the 14th – 15th Centuries]. In *Russian History*. 2007. Vol. 34. No. 1–4. P. 131–147. [Nazarov, 2007b]
- Nazarov, V. D. Mezhdumoskvoi i Vil'no: “dvoryane” na listakh posol'skikh dokumentov (konets XV – pervaya tret' XVI v.) [Between Moscow and Vilno: “Dvoryane” on the Pages of Embassy Documents (Late 15th – the First Third of the 16th Century)]. In *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV – nachala XVI v. Sbornik statei pamyati N. E. Nosova*. Saint Petersburg, 2007. Pp. 82–93. [Nazarov, 2007v]
- Nazarov, V. D. O strukture Gosudareva dvora v seredine XVI v. (zhil'tsy v 1550-e gody) [On the Structure of the Sovereign Court in the Middle of the 16th Century (Zhil'tsy in the 1550s)]. In *Zubovskie chteniya. Vyp. 4. Obrazy vlasti, instituty i kul'turnoe prostranstvo rossiiskogo obshchestva v XV–XVII vv., printsipy nauchnoi rekonstruktsii i muzeefikatsii pamyatnikov i inter'erov. 16–17 oktyabrya 2006 g., g. Aleksandrov*. Moscow, 2008. Pp. 12–25.

- Nosov, N. E. Ocherki po istorii mestnogo upravleniya Russkogo gosudarstva pervoi poloviny XVI veka [Essays on the History of Local Government of the Russian State in the First Half of the 16th Century]. Moscow; Leningrad, 1957. 408 p.
- Nosov, N. E. Stanovlenie soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii v Rossii. Izyskaniya o zemskoi reforme Ivana Groznogo [Formation of Class-representative Institutions in Russia. Research on the Zemskaya Reform of Ivan the Terrible]. Leningrad, 1969. 601, [1] p.
- Novitskii, V. I. Vybornoe i bol'shoe dvoryanstvo XVI–XVII vekov [Elective and Large Nobility of the 16th – 17th Centuries]. Kiev, 1915. [4], II, 178 p.
- Pashkova, T. I. Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoi poloviny XVI veka (namestniki i volosteli) [Local Government in the Russian State of the First Half of the 16th Century (Governors and Volostels)]. Moscow, 2000. 214, [1] p.
- Pavlov, A. P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.) [The Sovereign Court and Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg, 1992. 278, [1] p.
- Pavlov, A. P. Novgorodskoe dvoryanstvo i Gosudarev dvor XVI–XVII vekov [Novgorod Nobility and the Sovereign Court of the 16th – 17th Centuries]. In *Ot Drevnei Rusi k Rossii Novogo vremeni. Sbornik statei k 70-letiyu A. L. Khoroshkevich*. Moscow, 2003. Pp. 140–147.
- Sadikov, P. A. Tsar' i oprichnik [King and Oprichnik]. In *Veka. Istoricheskii sbornik*. Petrograd, 1924. Pp. 36–78.
- Sergeev, A. V. Knyazheskaya aristokratiya Moskovskogo gosudarstva vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII veka: knyaz'ya Rostovskie i Yaroslavskie [Princely Aristocracy of the Moscow State in the Second Half of the 16th – Early 17th Century: Princes of Rostov and Yaroslavl]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Saint Petersburg, 2014. 321 p.
- Sergeev, A. V. Knyazheskie familii Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: kolichestvo, vremya sushchestvovaniya, sotsial'nyi status [Princely Families of the Moscow State of the 16th – 17th Centuries: Number, Time of Existence, Social Status]. In *Klio*. 2018. No. 2. Pp. 39–47.
- Shmidt, S. O. U istokov rossiiskogo absolyutizma: issledovanie sotsial'no-politicheskoi istorii vremeni Ivana Groznogo [At the Origins of Russian Absolutism: a Study of the Sociopolitical History of the Time of Ivan the Terrible]. Moscow, 1996. 493, [2] p.
- Skrynnikov, R. G. Tsarstvo terrora [Reign of Terror]. Saint Petersburg, 1992. 571, [2] p.
- Smetanina, S. I. Zemlevladienie Ryazanskogo kraia i oprichnaya zemel'naya politika [Land Ownership in the Ryazan Region and Oprichnina Land Policy]. Autoabstract of Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 1982. 22 p.
- Smirnov, I. I. Ocherki politicheskoi istorii Russkogo gosudarstva 30–50-kh godov XVI v. [Essays on the Political History of the Russian State in the 1530s – 1550s]. Moscow; Leningrad, 1958. 516 p.
- Stanislavskii, A. L. Kniga razdachi denezhnogo zhalovaniya 1573 goda [The 1573 Pay Distribution Book]. In *Istoriya SSSR*. 1976. No. 4. Pp. 136–140.
- Stanislavskii, A. L. Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov [Works on the History of the Sovereign Court in Russia of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 2004. 505, [1] p.
- Stefanovich, P. S. Knyaz' i boyare: klyatva vernosti i pravo ot'ezda [Prince and Boyars: the Oath of Allegiance and the Right to Leave]. In *Gorskii, A. A., Kuchkin, V. A., Lukin, P. V., Stefanovich, P. S. Drevnyaya Rus'. Ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya*. Moscow, 2008. Pp. 148–269.
- Sverdlov, M. B. Dvoryane v drevnei Rusi [Nobles in Old Rus]. In *Iz istorii feodal'noi Rossii. Stat'i i ocherki. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya professora V. V. Mavrodina*. Leningrad, 1978. Pp. 54–59.
- Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii oprichniny [Research on the History of Oprichnina]. Moscow, 1963. 539 p.
- Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev [Research on the History of the Service Landowner Class]. Moscow, 1969. 582, [1] p.
- Volodikhin, D. M. Sotsial'nyi sostav Russkogo vоеvodskogo korpusa pri Ivane IV [Social Composition of the Russian Voivodes Corps under Ivan IV]. Saint Petersburg, 2011. 293 p.
- Zimin, A. A. Iz istorii pomestnogo zemlevladieniya na Rusi [From the History of Estate Land Ownership in Russia]. In *Voprosy istorii*. 1959. No. 11. Pp. 130–142.

- Zimin, A. A. Reformy Ivana Groznogo. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii serediny XVI v. [The Reforms of Ivan the Terrible. Essays on the Socioeconomic and Political History of Russia in the Middle of the 16th Century]. Moscow, 1960. 511 p.
- Zimin, A. A. Zemskii sobor 1566 g. [The Zemsky Sobor of 1566]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1962. Vol. 71. Pp. 196–236.
- Zimin, A. A. Oprichnina Ivana Groznogo [Ivan the Terrible's Oprichnina]. Moscow, 1964. 535 p.
- Zimin, A. A. Istochniki po istorii mestnichestva v XV – pervoi treti XVI v. [Sources on the History of Localism in the 15th – the First Third of the 16th Century]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1968 g.* Moscow, 1970. Pp. 109–118.
- Zimin, A. A. Sluzhilye knyaz'ya v Russkom gosudarstve kontsa XV – pervoi treti XVI v. [Serving Princes in the Russian State of the late 15th – the First Third of the 16th Century]. In *Dvoryanstvo i krepostnoi stroi Rossii XVI–XVIII vv.* Moscow, 1975. Pp. 28–56.
- Zimin, A. A. Knyazheskaya znat' i formirovanie sostava Boyarskoi dumy vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. [Princely Nobility and the Formation of the Boyar Duma in the Second Half of the 15th – the First Third of the 16th Century]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1979. Vol. 103. Pp. 195–244.
- Zimin, A. A. Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. [Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – the First Third of the 16th Century]. Moscow, 1988. 348, [1] p.

Alexandr L. Korzinin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

SOVEREIGN COURT IN THE HISTORY OF RUSSIA
OF THE LAST QUARTER OF THE 15th – 16th CENTURIES

The review article is devoted to the research of the evolution of the Sovereign Court in the Russian state in the last quarter of the 15th – 16th centuries. The author analyses the main trends in the development of the Court, sources for its study, its composition, structure, land and material basis for its existing, as well as the transformation of the Court in the context of the internal policy of Moscow Grand Princes.

Keywords: Sovereign Court, nobility, aristocracy, 16th century, social history